

Сатору Годзё пришел к выводу, что, пожалуй, готов простить новому учителю литературы его неносный характер.

Смартфон оказался чертовски увлекательной игрушкой, а мобильный интернет — и вовсе вратами в дивный новый мир.

Пирожные-макароны с пятикратной порцией сахара, воздушное суфле, нежнейшие кикифуку, видеоигры, аниме, манга, виртуальные айдолы...

Избалованный молодой господин великого клана Годзё мгновенно потерял голову от этого пестрого великолепия. Перед ним распахнулись двери в совершенно иную реальность. Разглядывая сокровища всемирной паутины, Сатору искренне недоумевал, в какой же беспросветной глуши он прозябал всю свою жизнь.

— Во время занятий пользоваться телефоном запрещено.

Перед началом урока Аль-Хайтам с самым будничным видом изъясил у Годзё все его гаджеты.

Сатору, в котором уже начали прорастать первые робкие всходы тяжелой интернет-зависимости, не собирался безвольно сидеть сложа руки. Он мгновенно вскочил, намереваясь силой отобрать свое сокровище. Но учитель каким-то непостижимым образом просто сместился в сторону, с неуловимой грацией уклонившись от каждого его выпада.

— Да вы всё равно толком не ведете уроки! — возмутился Сатору. — С какой стати забирать мой телефон?

— Если во время проверки дежурные увидят у вас гаджет, мне урежут жалованье или вовсе уволят.

Удивительно прозаичный и приземленный аргумент.

— А ты не боишься, что я сам тебя уволю?

В конце концов, влияние молодого господина клана Годзё весило несоизмеримо больше, чем мнение школьной администрации. Стоило Сатору закатить скандал и потребовать убрать строптивого учителя, как Аль-Хайтам вылетел бы из школы в тот же день.

— Оу. Ну, увольняйте.

Разумеется, если Годзё и впрямь этого хотел.

В этом коротком ответе сквозило такое абсолютное, граничащее с цинизмом равнодушие, что Сатору почувствовал себя так, словно ему на голову вылили ушат ледяной воды. Весь его юношеский пыл мгновенно испарился.

М-да. Игнорировать этого человека было решительно невозможно.

Но больше всего Сатору озадачивало другое: судя по его ощущениям, этот учитель не обладал сколько-нибудь значительной проклятой энергией. Каким же образом он так легко уклонялся от атак элитного мага?

Ответ крылся в чудесной силе Глаза Бога.

Что же касается проклятой энергии — у Аль-Хайтама её не было вовсе. Однако всемогущая Система снабдила его маскировкой столь безупречной, что даже Шесть Глаз пасовали перед ней. Это позволяло беспрепятственно водить за нос и старейшин клана Годзё, и их гениального наследника.

— Тогда давай сразимся! — задорно вздернул подбородок Сатору. — Выиграешь — я послушно сяду за парту. Проиграешь — вернешь телефон!

— Вынужден отказаться. Я всего лишь немощный учитель словесности.

Что ж... немощный учитель словесности. Почему бы и нет?

Сатору еще раз придирчиво оглядел статную фигуру Аль-Хайтама, бугрящиеся под облегающей тканью мышцы и отчетливый рельеф пресса.

— Ты сначала на свои мускулы посмотри, а потом сказки рассказывай! Кого ты обмануть пытаешься?!

— Результат многолетней переноски тяжелых фолиантов в библиотеке. Исключительно декоративный эффект, в реальном бою бесполезный, — невозмутимо соврал Аль-Хайтам.

Сатору, который в силу возраста еще не до конца освоил искусство абсолютного бесстыдства, окончательно лишился дара речи, хотя прекрасно понимал, что его нагло обманывают.

Великолепно. Мало кому удавалось заткнуть молодого господина Годзё одной фразой.

Впрочем, Аль-Хайтам оставался верен себе — он не собирался выстраивать со своим подопечным никаких иных отношений, кроме строго регламентированных рабочих.

— Итак, начнем урок.

«Начальная школа Намимори...»

Сюдзи Цусима с легким недоумением разглядывал дежуривших у ворот членов школьного дисциплинарного комитета. На рукавах у парней красовались ярко-красные повязки, а причёски напоминали гротескные, вытянутые коки-багеты.

Неужели он так долго просидел в затворничестве в поместье Цусима, что безнадежно отстал от современных эстетических канонов?

Да и вообще, эти типы больше походили на уличную банду, решившую сменить вывеску. Неужели в местную дружину теперь принимают вчерашних хулиганов?

Впрочем, виной всему была причуда их лидера — весьма своенравного главы комитета, который предпочитал набирать себе подчиненных прямым с улиц, устраивая своеобразный «отбор» среди местных банд.

— Идем, — мягко скомандовал Кавех.

Архитектор сегодня доблестно взял на себя роль опекуна. Ради того, чтобы мальчик благополучно поступил в школу, Система расщедрилась и выделила Кавеху целый день бесплатного пребывания в человеческом облике.

Кавех совершенно естественно взял Сюдзи за руку. С его точки зрения, дети были хрупкими созданиями, которых следовало оберегать от любых невзгод. И раз уж этот ребенок временно оказался на его попечении, Кавех твердо вознамерился нести за него полную ответственность.

Сюдзи, непривычный к подобным проявлениям заботы, на миг напрягся, но руку вырывать не стал.

Кавех буквально фонтанировал дружелюбием. По дороге к школе Сюдзи в полной мере прочувствовал, насколько гипертрофировано у его спутника стремление помогать ближним.

Перевести через дорогу дряхлую старушку, высыпать горсть монет первому встречному нищему, броситься в темный переулок на выручку зажатому гопниками школьнику — для Кавеха это было в порядке вещей.

Даже если бы Сюдзи отказался идти за руку, Кавех наверняка нашел бы еще десяток способов окружить его неусыпным вниманием и заботой.

«Кавех».

Сюдзи мысленно пометил этот пункт в своей личной картотеке: «Добродушный дурак с избытком нерастраченного альтруизма».

Свирепые на вид дружинники, завидев Кавеха с новым учеником, быстро растеряли свою спесь и на удивление вежливо подсказали, куда нужно идти для оформления документов.

Территории начальной, средней и старшей школ Намимори плавно перетекали одна в другую, образуя единый гигантский образовательный комплекс.

Глава дисциплинарного комитета частенько обходил дозором все три сектора, а когда ему надоедало — забирался на крышу какого-нибудь корпуса, чтобы вздремнуть в тишине.

Сегодня Кавеху не повезло: Кёя Хибари как раз обходил дозором именно начальную школу.

— Твой внешний вид нарушает дисциплину.

Глубокий вырез на груди, открытая спина, небрежно заколотые светлые пряди и обилие изящных сверкающих украшений — эксцентричный облик Кавеха мгновенно заставил сработать внутренний радар Хибари, не терпящий никаких отклонений от устоявшихся правил.

Вместе с резким окриком в живот Кавеху устремилась сверкающая стальная тонфа.

От неожиданности архитектор отпрянул на несколько шагов назад. Когда оружие взметнулось для повторного удара, он просто перехватил его ладонью, заставив намертво замереть в воздухе.

Для лучшего выпускника даршана Кшахревара, способного с легкостью орудовать двуручным мечом и привыкшего лично ворочать камни на строительных площадках, остановить подобный выпад не составило ни малейшего труда.

Впрочем, и сам Хибари нападал вполсилы, скорее прощупывая чужака.

— Послушай, я опекун, а не ученик, — со вздохом произнес Кавех.

Надо же, он уехал из Академии Сумеру, но даже здесь, в чужом мире, кто-то пытается читать ему нотации по поводу одежды!

— Вот, я привел ребенка.

Кавех мягко подтолкнул прятавшегося за его спиной Сюдзи вперед, являя его взору сурового юноши.

Разница в возрасте между ними была очевидной, слова мужчины звучали убедительно. И пусть взрослый выглядел излишне броско, никаких предосудительных действий он не совершал.

Хибари слегка прищурился, пытаясь припомнить, не появлялся ли в последнее время в Намимори столь приметный житель. Ничего похожего на ум не шло.

Впрочем, какая разница? Сегодня он уже успел знатно погонять стадо местных «травоядных», так что жажда хорошей драки была временно утолена.

— Подскажите, где здесь кабинет директора? — неловко поинтересовался Кавех, который за время потасовки окончательно позабыл путанные объяснения дежурных у ворот.

— За мной.

Хибари резко развернулся. Его черное форменное пальто, наброшенное на плечи и державшееся вопреки всем законам физики, изящно взметнулось, и он зашагал прочь своей неторопливой, властной походкой.

В Намимори каждый младенец знал: пока в школе распоряжается Кёя Хибари, номинальный директор служит лишь декоративным элементом.

Кавех с немым изумлением наблюдал, как этот угрюмый подросток с абсолютным хозяйским видом усаживается в глубокое кожаное кресло за массивным директорским столом.

Пока одни в столь нежном возрасте фактически управляли целым городом, создавали собственные синдикаты и превращали школьное руководство в безвольных марионеток, другие — почти разменяв третий десяток — продолжали перебиваться случайными заработками, терпеть вечные придирки невыносимого соседа и едва сводить концы с концами.

Кавех почувствовал, как в груди закипает глухая экзистенциальная обида на несправедливость мироздания.

— Документы ученика, — небрежно бросил Хибари, доставая из ящика стола гербовую печать и принимаясь лениво крутить её в пальцах.